

Теория границ: Borders, Boundaries, Limits, Thresholds

Этьен Балибар

Что такое граница?¹

DOI: 10.53953/08696365_2025_193_3_10

Étienne Balibar

Qu'est-ce qu'une frontière?

Можно быть гражданином или лицом без гражданства, но сложно представить, чтобы кто-то был границей².

На предварительный для нашей дискуссии вопрос: «Что такое граница?» — невозможно дать простой ответ. Почему? В основном потому, что границе нельзя приписать сущность, которая сохранялась бы всегда и везде, в любом про-странственно-временном промежутке, и одинаковым образом соотносилась бы со всем индивидуальным и коллективным опытом. Не восходя к римско-му *limes*, «граница» какой-нибудь европейской монархии в XVIII веке, когда изобретается понятие космополитизма, имеет мало общего с теми границами, которые сегодня стремится укрепить Шенгенская конвенция. Всем нам из-

1 Текст доклада, прочитанного на коллоквиуме «Насилие и право на убежище в Европе: от национальных границ к общей ответственности в едином мире», организованном Мари-Клэр Калоз-Чоп и Акселем Клевено в Женевском университете 23–25 сентября 1993 года. Переиздано: *Balibar É. La Crainte des masses. Politique et philosophie avant et après Marx*. Paris: Galilée, 1997. Созданная в 1993 году Женевская группа, для которой я подготовил этот доклад, объединила исследователей, активистов, независимых журналистов, юристов, сотрудничавших с Агентством ООН по делам беженцев, пасторов Реформатской церкви, чтобы освещать ситуацию мигрантов и беженцев на границах Европы и способствовать признанию их прав ровно в тот момент, когда следствия политики вытеснения и отбора дали о себе знать. См.: *Caloz-Tschopp M.-C. Les Étrangers aux frontières de l'Europe et le spectre des camps*. Paris: La Dispute, 2004.

2 *Green A. La Folie privée. Psychanalyse des cas-limites*. Paris: Gallimard, 1990. P. 10.

вестно, что пересекать франко-швейцарскую или итальянско-швейцарскую границы с «европейским» и бывшим югославским паспортом — не одно и то же. Мы даже собирались здесь по инициативе Женевской группы «Насилие и право убежища в Европе», чтобы об этом поговорить.

На самом деле, эта невозможность, осложняющая теоретическую сторону вещей, для нас становится шансом. Ведь чтобы понять нестабильный мир, в котором мы живем, нужны сложные понятия, то есть диалектические. А значит, нам даже нужно усложнять вещи. И чтобы содействовать изменению мира, изменению неприемлемого и невыносимого в нем — или, что то же самое, чтобы сопротивляться происходящим в нем переменам, которые нам охотно преподносят как неизбежные, — нам нужно перевернуть ложную простоту некоторых очевидных понятий.

Позвольте мне буквально минуту поиграть в языковые игры моих коллег-философов. Идея дать границе простое определение по определению абсурдна: провести границу ведь и есть не что иное, как определить или ограничить территорию, тем самым зафиксировав ее идентичность или наделив ее ею. В свою очередь, определить или идентифицировать и есть провести границу, установить пределы (*horos* по-гречески, от которого происходит глагол *horizein*: определить, ограничить; *finis* или *terminus* по-латински; *Grenze* по-немецки; *border* или *boundary* по-английски и так далее). Теоретик, который хочет дать определение границе, попадает в замкнутый круг, потому что само представление границы оказывается условием всякого определения.

То, что может показаться спекулятивным, если не праздным, имеет вполне конкретную сторону. Любая дискуссия о границах касается установления³ определенных идентичностей — национальных и прочих. Однако идентичности или даже идентификации, несомненно, имеются — в разной степени активные и пассивные, желаемые и претерпеваемые, индивидуальные и коллективные. От своей многочисленности, сконструированности или фиктивности они не становятся менее реальными. Но эти идентичности явно недостаточно определены. Следовательно, с логической, или юридической, или национальной точек зрения, они не определены вовсе. Или, скорее, не были бы, если вопреки внутренне присущей им невозможности избежали бы принудительного определения. Иначе говоря, определить их на практике — значит «свести [к чему-то другому]», приложить силу упрощения, парадоксальную дополнительную простоту, которая естественным образом тоже усложняет многие вещи. Государство, будучи, помимо прочего, национальным и правовым, чудовищно сокращает всякую сложность, хотя само его существование оказывается постоянным фактором сложности (можно даже сказать: беспорядка), которую ему и приходится сокращать.

Все это, как мы знаем, выходит за пределы чисто теоретических вопросов. Жестокие последствия ощущаются каждый день; они и формируют упомя-

3 Institution (*фр.*). К развязке текста термин станет оперативным понятием в русле критики институционализации границ и будет передаваться термином «институция» и «учреждение». В тех случаях, когда *institution* (учреждение, установка, институт, институция) и глагол *instituer* (учреждать, устанавливать) употребляются в нейтральном смысле, напрямую не связанном с характерной для франкоязычной социально-философской традиции критикой институций, русский перевод варьируется в зависимости от контекста. — Прим. пер.

нужное в тексте приглашения⁴ *состояние насилия* (condition de violence), перед лицом которого мы ищем политические идеи и инициативы, отличные от «гоббсовского» сведения к простоте, то есть к обыкновенной центральной власти, обладающей сакральным статусом в правовом отношении и вооруженной монополией на законное насилие — решение как минимум неэффективное в глобальном или мировом масштабе, где оно способно разве что подавить какого-нибудь бунтовщика... да и только. Вопреки одним границам, если только не под их прикрытием, то там, то тут возникают неопределенные и невозможные идентичности, которые закономерно расцениваются как не-идентичности, хотя для множества людей их существование является вопросом жизни и смерти. Эта проблема повсеместна, и тот ужас, который разворачивается в «бывшей Югославии» (выражение говорит само за себя), внутренне касается всех нас, исходя из нашей собственной истории.

У границ есть история, даже само понятие границы имеет историю, хоть и не везде и не на всех уровнях одну и ту же, я еще к этому вернусь⁵. С нашей точки зрения, точки зрения мужчин и женщин в Европе конца XX века, эта история стремится к идеалу взаимного присвоения индивидов государством и государства индивидами через «территорию». Или, как об этом прекрасно сказала Ханна Арендт, на которую справедливо ссылаются в этом отношении, она стремится к точке *возврата*, где невозможность достичь этого идеала станет ясной ровно в тот момент, когда он покажется совсем близким. В ней мы и находимся.

Начиная с ранней античности, «истоки» государства, городов, империй, существовали «границы» и «марши», то есть линии и зоны, разделительные полосы и линии соприкосновения или столкновения, ограждения и прохода (или «сбора пошлин»). Фиксированные или подвижные, непрерывные или прерывистые. Но у тех границ никогда не было единой функции. Это справедливо не только для последних двух-трех веков, несмотря на кодификацию, которой занялись национальные государства. Сама по себе *тирания национального*, если воспользоваться выражением Жерара Нуариэля⁶, постоянно меняет формы, в том числе полицейские. На наших глазах она прямо сейчас снова меняет функции. Одно из главных значений Шенгенской конвенции — на данный момент единственного элемента «европейского строительства», который все еще совершенствуется, причем не со стороны гражданского общества, а по части *антигражданственности*: через консультации с полицией, более-менее одновременные изменения в законодательстве и Конституции, касающиеся права на убежище и условий иммиграции, воссоединения семей, доступа к гражданству и т. д. — состоит в том, что теперь на «ее» границе, или скорее на некоторых особых *погранпунктах* этой территории, каждое государство-участник выступает как представитель остальных. Так появляется новый способ различия национального и иностранного. Вместе с этим изменяются

4 «Насилие как пространство существования в обществах изгнанников и обществах Севера», текст приглашения на коллоквиум «Насилие и право убежища в Европе».

5 Такая история — удвоенная антропологией и семантикой — начинает писаться. Ср.: *Nordman D. Des limites d'Etat aux frontières nationales // Les Lieux de mémoire. Vol. II / Dir. P. Nora. Paris: Gallimard, 1986. P. 35 sq.; Sahlins P. Boundaries: The Making of France and Spain in the Pyrenees. Berkeley: University of California Press, 1989; Foucher M. Fronts et frontières. Paris: Fayard, 1991; Quaderni. 1995. Automne: Penser la frontière / Dir. Y. Winkin.*

6 *Noiriel G. La Tyrannie du national. Paris: Calmann-Lévy, 1991.*

условия принадлежности индивидов государству в разных — но неразрывно связанных — значениях этого слова. Достаточно взглянуть на неприязнь, с которой практически все без исключения государства рассматривают двойное или второе гражданство, чтобы осознать, до какой степени национальному государству важно быть хозяином для выходцев из него (и, по меньшей мере в теории, без остатка распределить индивидов по территориям). Это лишь компенсация принципа, согласно которому иностранцы — как минимум символически или относительно — должны быть исключены. Нет никаких сомнений, что в национальном представлении о нормальности, нормальности подданного-гражданина данного государства, подобная априория усваивается индивидами, поскольку становится условием и главным ориентиром их коллективного, общественного чувства и опять же их идентичности (или порядка, иерархии, в соответствии с которой распределяется множество идентичностей). Учитывая сказанное, границы прекращают быть исключительно внешней реальностью и становятся тем, что Фихте в своих «Речах к немецкой нации» 1807 года прекрасно назвал «внутренними границами» (*innere Grenzen*), то есть, как он сам говорит, *невидимыми*, пролегающими «нигде и повсюду».

Чтобы понять их свойства, я коротко остановлюсь на трех ключевых аспектах исторической неоднозначности границ. Во-первых, на их *сверхопределенности*, как я буду ее называть. Во-вторых, на *полисемии*, то есть неодинаковом существовании границ для тех, кто принадлежит к разным социальным группам. Наконец, в-третьих, на их *неоднородности*, то есть том факте, что в реальности у отграничения или территориализации есть множество функций, которым одновременно удовлетворяют границы между различными предметами или социальными потоками, различными правами.

Сверхопределенность и формирование мира

Итак, во-первых, то, что условно было названо *сверхопределенностью*. Нам хорошо известно — это общее место учебников по истории, — что у *каждой границы* есть собственная история, в которой переплетаются отстаивание народом своих прав и сила или бессилие государств, культурные различия (которые часто называют «естественными»), экономические интересы и т.д. Менее очевидно то, что ни одна политическая граница никогда не является просто пределом двух государств: она всегда сверхпределена и в этом смысле санкционирована, удвоена и релятивизирована другими geopolитическими разграничениями. Эта особенность не случайна и не второстепенна; она внутренне присуща [границам]. Без функции *формирования мира*, которую выполняют границы, не было бы границ, ну или границ постоянных.

Не выходя за пределы нынешней эпохи, приведем два примера, последствия которых до сих пор ощущимы. В рамках сменяющих друг друга мировых экономик европейские колониальные империи — примерно со времен Тордесильяского договора 1494 года и вплоть до 1960-х — действительно были условием возникновения, усиления и устойчивости национальных государств в Западной и отчасти Восточной Европе. Впоследствии границы *между* этими государствами оказались одновременно национальными и имперскими, продолжаясь и воспроизводясь вплоть до «сердца тьмы» где-то в Африке и Азии. И поэтому они использовались, чтобы разделить разные категории «выход-

цев». Национальные имперские государства имели не только «граждан», но и «подданных»⁷. Для национальной администрации подданные были *меньшими иностранцами*, чем *иностранцы*, и тем не менее *отличались от них* (будучи более «странными»): это значит, что в некотором отношении или при некоторых обстоятельствах (например в военное время) пересекать границу им было то проще, то гораздо сложнее, чем иностранцам *stricto sensu*.

Второй пример: «лагеря» или «блоки» в холодной войне с 1945 до 1990 год. Пока «передел мира» между колониальными империями в некоторых случаях *усиливал* национальный суверенитет (при условии, что для других случаев национальный суверенитет просто-напросто запрещался), разделение на блоки (компенсированное, как мы помним, созданием и функционированием ООН), похоже, поспособствовало распространению во всем мире национальной формы (и, следовательно, национальной идентичности как «базовой» — по крайней мере в теории — идентичности для всех), сопряженной с фактической иерархией этих наций внутри каждого блока и, соответственно, более или менее ограниченным суверенитетом для большинства из них. В итоге национальные границы государств снова оказались сверхопределенными и либо усилились, либо ослабились, а на практике снова появились иностранцы и иностранное [*extranéité*] нескольких типов и различные варианты перехода границ. Если граница или направление ее перехода совпадали с внешней границей лагерей, пересекать ее, как правило, было сложнее, поскольку иностранец расценивался как враг или потенциальный шпион. *Исключение* делалось как раз для беженцев, потому что право убежища было оружием в идеологической борьбе. Не этой ли ситуацией объясняется формулировка и относительный либерализм узаконенных в 1950-х и 1960-х правил приема искателей убежища, будь то через международные конвенции или через конституции отдельных стран (последние изменения в германском праве выступают в этом смысле показательным, но исключительным примером)?

Только имея в виду эту ситуацию, нам удастся понять термины, в которых сегодня формулируется вопрос о беженцах с востока (который внезапно перестал быть востоком и стал чем-то вроде полуяuga). Это касается и трудностей, которые испытывает «европейское сообщество» при попытке осознать себя именно *сообществом*, объединенным собственным интересом, хотя в значительной степени оно оказалось побочным продуктом холодной войны и одним из ее звеньев, целью которого было уравновесить гегемонистское могущество Соединенных Штатов в рамках «западного блока».

Позавчерашние колониальные империи и вчерашние блоки оставили глубокий след на институциях, праве и менталитетах, однако их время прошло. Но было бы наивно полагать, что сегодня они уступили место простому набору похожих друг на друга наций. То, что называют кризисом национальных государств, отчасти (хотя и не целиком) является объективной неуверенностью как в природе и контурах geopolитических разграничений, потенциально способных сверхопределить границы, так и в доле или типе национальной автономии, с которой эти гипотетические внешние границы были бы совместимы, учитывая их военную, экономическую, идеологическую или символическую функции. Вкупе с внутренним расслоением (этническим, социальным, рели-

7 См. мое эссе: *Sujets ou citoyens. Pour l'égalité* // Balibar E. *Les Frontières de la démocratie*. Paris: La Découverte, 1992.

гиозным) каждого национального государства, этот болезненный и пока не поставленный должным образом вопрос, несущий потенциальные конфликты, вполне может оказаться решающим для вопросов о национальных границах, которые в самой Европе, скорее всего, смогут устоять перед сменой эпохи. Немецкая уже изменилась, как и югославская и чехословацкая, хоть и неодинаковым образом; вполне возможно, что за ними последуют другие, западнее.

Полисемия

Во-вторых, так называемая *полисемия* границ, в силу которой на практике они не для всех имеют одинаковый смысл. Соответствующие факты хорошо известны и ложатся в основу нашей дискуссии. Ничто так не напоминает о материальности официально «одной и той же» границы (самотождественной и поэто-му четко определенной), пересекает ли вы ее в одну сторону или в другую, как бизнесмен, направляющийся на конференцию исследователь или молодой безработный. Перед нами две разные границы, у которых только *название* общее, и в какой-то степени границы сегодня (а на самом деле уже давно) придуманы именно для этого. Не только чтобы представители разных социальных классов получили разный опыт взаимодействия с законом, администрацией, полицией и базовыми правами вроде свободы передвижения и предпринимательства, но и чтобы активно *дифференцировать* их в зависимости от социального класса.

Государство, разбивающее лагерь в собственных границах и сформированное ими, играет во всей истории двойкую роль. С одной стороны, оно маскирует и в какой-то степени ограничивает формальную сторону дифференциации, укрепляя понятие национального гражданина, а с ним и приоритет государственной власти над антагонизмами в обществе. С другой стороны, чем активнее становится транснациональное движение людей или капиталов, чем быстрее оформляется транснациональное политico-экономическое пространство, тем охотнее государства, включая наиболее «могущественные» из них, встают на службу классовой дифференциации в международном масштабе, делая и свои границы, и устройства пограничного контроля инструментом дискриминации и отбора. Этими действиями они просто пытаются как можно лучше сохранить символические истоки их легитимности для народа. Отсюда возникает противоречие, из-за которого им приходится одновременно релятивизировать и подчеркивать понятие идентичности или национальной принадлежности, приравнивая гражданство к национальности.

Двойное послание того же рода содержится и в самом понятии передвижения людей. Проблематична не сама разница в отношении к движению товаров или капиталов и передвижению людей: слово движение [*circulation*] здесь употребляется не в одном и том же смысле. Проблематичен тот факт, что, несмотря на вычислительную технику и телекоммуникации, капиталы все еще не могут двигаться без массового движения людей — одних «наверх», других «вниз». Но учреждение мирового апартеида или двоякого режима движения людей порождает пугающие политические проблемы допустимости и института. «Цветовой барьер» (*colour bar*) теперь разделяет не только «центр» и «периферию» или Север и Юг, но проходит через все общества, оказываясь таким образом только их приблизительным неуклюжим эквивалентом: будучи повсеместным, он работает в обе стороны, поскольку усиливает неконтроли-

руемый расизм и способствует неустойчивости, провоцирующей избыток мер безопасности. Не говоря уже о том, что между двумя крайностями — людьми, *которые движут капитал*, и людьми, *которыми движет капитал*, в результате «релокаций» и «маневренности» — находится огромная не поддающаяся классификации промежуточная масса.

Возможно, именно с этой точки зрения стоит посмотреть на одну из самых одиозных сторон вопроса миграций и беженцев, которая стала предметом подробного исследования Мари-Клэр Калоз-Чоп и ее друзей: на «интернациональные» или «транзитные» зоны в морских портах и аэропортах⁸. Они иллюстрируют не только состояние генерализованного насилия, внутри которого теперь можно различить как экономические миграции, так и потоки признанных и непризнанных беженцев, но и воплощение различного функционирования — можно сказать, удвоения — понятия границы, которое наметилось уже на этапе различных формальных требований к ее пересечению.

Здесь важна не только юридическая дискуссия, но и феноменологическая дескрипция. Для богача из богатой страны, закономерного космополита (с паспортом, который означает не просто национальную принадлежность, защиту и право на гражданство, но и права *вдобавок*, особенно право на беспрепятственное передвижение по миру), граница стала формальностью перед выходом на посадку, пройденным на бегу пунктом символического признания своего социального статуса. Для бедняка из бедной страны граница закономерно становится чем-то совершенно иным: это не просто труднопреодолимое препятствие, а место, где постоянно приходится с чем-то сталкиваться, переходить снова и снова по мере выдворений и объединения с семьей, и, наконец, *пребывать*. Это необычайно вязкая пространственно-временная зона, чуть ли не место для жизни — ожидания жизни, не-жизни. Психоаналитик Андре Грин где-то писал, что теперь уже затруднительно жить *на границе*, но это ничто по сравнению с тем, чтобы *быть* границей самому. Хотя он понимал под этим разрыв множества идентичностей, мигрирующих идентичностей, нужно увидеть материальную сторону вещей.

Неоднородность и вездесущность

Это естественным образом приводит нас к третьему из заявленных пунктов: неоднородности и вездесущности границ, то есть тому факту, что некогда реализованное национальными государствами закономерное смещение политических, культурных и социоэкономических границ сегодня начинает размываться. Таким образом, что *некоторые границы теперь располагаются вовсе не на границах*, взятых в географически-политически-административном смысле слова, а находятся где-то в другом месте, везде, где действует избирательный контроль, например *санитарный* (связанный с тем, что Мишель Фуко называл биовластью) или контроль *безопасности*. Концентрация всех функций (например, контроля за товарами и людьми — а значит, микробами и вирусами, — административное и культурное разделение и пр.) в одной точке, на одной расчищенной и в то же время уплотненной, непроницаемой линии —

8 Frontières du droit, frontières des droits. L'introuvable statut de la “zone internationale” / Dir. M.-C. Caloz-Tschopp. Paris: L'Harmattan, 1993.

главная тенденция определенного периода формирования национального государства (когда его существование максимально близко подошло к идеальному типу), но не окончательная историческая необходимость. В наших глазах она уже давно уступает вездесущности границ нового типа. [Будь мы в состоянии это увидеть, нас удивил бы (и заставил задуматься о базовых понятиях прав человека) тот факт, что пункты досмотра, когда-то введенные на погранпереходах в морских портах и аэропортах, теперь появляются и в метро, и в пригородных поездах, чаще всего работая по внешним признакам]⁹.

В конечном счете мне хотелось подчеркнуть — может быть, это трюизм — что в исторической сложности понятия границы, которая теперь вновь становится очевидной из-за происходящих с ней изменений и принятия новых форм, речь идет об учреждении. Об учреждении и способах учреждения границы, которая одновременно становится условием возможности их многообразия. Именно по этой причине фиктивное определение границы было простым и упрощающим, а ее простота, как я и говорил в начале, — вынужденной, вытекающей из государственного принуждения. Но *ipso facto* главным последствием оказался тот факт, что границы, под защитой которых в некоторых случаях удалось завоевать условия относительной демократии, сами по себе всегда были абсолютно недемократичными учреждениями и ускользали от всякой политической практики и контроля. Если «граждане» и обживались в их пределах, то только для самоистребления.

Границы стали антидемократическим условием такой частичной, ограниченной демократии, в определенные периоды характерной для некоторых национальных государств, пока те занимались решением собственных внутренних конфликтов (а иногда и их экспортом, хотя именно для этого и нужны очерченные границы). Поэтому я думаю, что верно говорится в анонсе коллоквиума о требовании «радикальной демократии». По мере того как границы вновь множатся и изменяются — что, несомненно, говорит об их стремлении разместить новое социальное пространство, а не просто отграничить его от внешнего мира, — альтернатива стоит между авторитарным и фактически насильтственным ужесточением всех форм сегрегации и демократическим радикализмом, который возьмется за деконструкцию и трансформацию института границы.

Со своей стороны я, тем не менее, не отождествлял бы эту радикальную и неминуемо интернациональную и даже транснациональную демократию с погоней за «миром без границ» в юридико-правовом смысле слова. Такой «мир» рискует оказаться лишь ареной одичалого господства частных сил, которые монополизируют капиталы, коммуникацию, возможно, даже вооружения... Стоит, скорее, поставить вопрос о демократическом контроле за теми, кто контролирует границы, то есть за государствами и самими наднациональными учреждениями. Но сначала надо ответить на вопрос о том, найдут ли люди по обе стороны границ общие интересы и языки (то есть общие идеалы). Однако для такой встречи чаще всего требуются переводчики и посредники. Как бы печален ни был их опыт на сегодняшний день, мне кажется, что защитники права на убежище отчасти такими посредниками и являются.

Перевод с французского Марии Стениной

9 Добавлено в 2021 году.